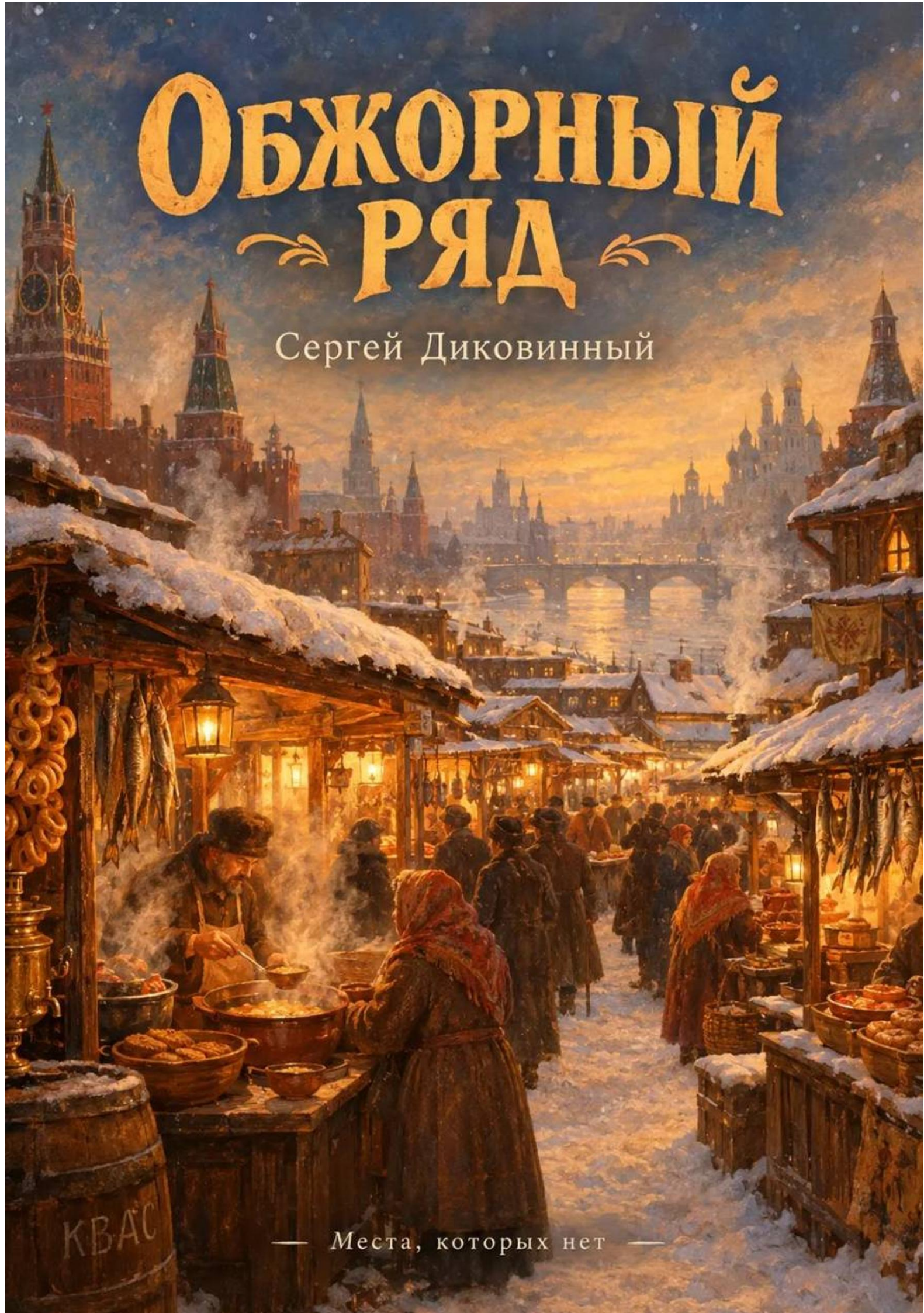

ОБЖОРНЫЙ РЯД

Сергей Диковинный

— Места, которых нет —

Сергей Диковинный

Обжорный ряд

«Автор»

2026

Диковинный С. В.

Обжорный ряд / С. В. Диковинный — «Автор», 2026

Обжорный ряд — исчезнувший торговый квартал в самом сердце Москвы, где с XVII века кормили бедняков щами без мяса. Он жил триста лет, ушёл под землю в 1930-е и был заново найден археологами в 1990-е. Новелла о месте, которого нет на карте, но которое помнит каждый слой московской земли.

© Диковинный С. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обжорный ряд	5
Глава 2. Неглинка и Воскресенский мост	8
Глава 3. Монастырь и Моисеевская площадь	11
Глава 4. Тридцать четвёртый и тридцать	14
Глава 5. Подземный город	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Обжорный ряд

Глава 1. Обжорный ряд

Есть места в Москве, которые помнят не по имени, а по запаху. Обжорный ряд — из таких.

Его не найти на современных картах. На месте, где он шумел триста лет, сегодня лежит ровный гранит Манежной площади, бьют фонтаны, ходят туристы, стоит бронзовый маршал Жуков на коне. А под этим гранитом — под фонтанами, под туристами, под бронзовым маршалом — лежат остатки того самого квартала. Лавки, погреба, печи, шербатые глиняные плошки, из которых ели щи. Всё это там, внизу, в темноте, на глубине нескольких метров. Иногда археологи достают оттуда черепок, и по нему можно понять: вот здесь жарили, вот здесь варили, вот здесь сидел человек, ел и торопился.

Обжорный ряд возник не сразу. Сначала была просто торговля у стен Кремля — стихийная, тесная, шумная. Потом был пожар 1493 года, после которого, как известно, Иван III велел расчистить вокруг Кремля широкую полосу, чтобы огонь не перекидывался на крепость. Эта полоса долго стояла пустой, а потом её стали потихоньку занимать. К XVI веку здесь обосновались стрельцы — целой слободой, с домами, дворами, амбарами. К концу XVII века стрельцов не стало, а место осталось. И место требовало, чтобы его чем-нибудь заняли.

Заняли торговлей.

В 1707–1708 годах, по указу Петра I, на правый берег реки Неглинки — то есть сюда, к стрелецкой слободе, — перевели Харчевой и Охотный ряды. Вместе с ними сюда переехал и Обжорный ряд. С этого момента и начинается его настоящая жизнь: не как отдельного здания, а как длинной, извилистой, вросшей в землю торговой линии, которая шла вдоль нынешней Манежной площади и дальше, в переулки — Обжорный и Лоскутный, названные так по тому же принципу, что и сами ряды.

Что такое был Обжорный ряд?

Это была не улица и не рынок в привычном смысле. Это была сплошная лавка — вернее, сплошные лавки, поставленные вплотную друг к другу, наспех сбитые из досок, крытые тёсом, с низкими дверями, в которые надо было входить согнувшись. Внутри — темно, дымно, пахло

жареным луком, прогорклым маслом, кислой капустой, солёной рыбой. На прилавках — деревянные плошки, глиняные чашки, ложки, заткнутые за пояс. На полу — бочки с капустой, с огурцами, с квасом. На печах — чугуны. На крюках под потолком — копчёные окорока, колбасы, сушёная рыба.

Здесь ели стоя.

Лавки Обжорного ряда предлагали еду простую и недорогую — для бедного населения. Щи без мяса. Жареную картошку, когда картошка появилась. Похлёбку, кашу, кашу с луком, кашу с конопляным маслом. Хлеб — чёрный, ржаной, тяжёлый. Квас — из бочки. Сбитень — зимой, чтобы согреться. Иной раз требуху, иной раз голову рыбью, иной раз что-то такое, что в более респекбельные лавки не отнесли бы. Здесь не спрашивали, кто ты и откуда. Здесь платили копейку — получали миску. Садись на лавку, если было место, ели, утирали рот рукавом и шли дальше.

Это была еда бедняков — но еда. Не отбросы, не гниль, не издевательство. Простая, сытная, горячая. Именно поэтому сюда тянулся народ: извозчики, мастеровые, приказчики с дальней окраины, крестьяне, приехавшие в Москву за грошом подзаработать, нищие, юродивые, странники. Слово «обжорный» здесь надо понимать не как «для обжор», а как «где обжирются» — то есть где едят много и жадно, потому что больше нигде.

Особенно оживлённо становилось в обеденное время. Обед в Москве — святое. В конце XIX века Обжорный ряд всё ещё оставался живым, всё ещё кормил, всё ещё пах. По описаниям современников, здесь к полудню стоял такой густой запах, что человек неподготовленный отшатывался, а привычный — шёл на этот запах, как на маяк. Это был запах не роскоши, а жизни: масла, лука, дыма, пота, мокрой одежды. Москва старого времени пахла именно так, и этот запах остался на страницах книг, в записках путешественников, в дневниках москвичей.

Обжорный ряд жил в тесном соседстве с другими специализированными рядами: Харчевым, Лоскутным, Точильным. Каждый занимался своим делом. Харчевой — припасами. Лоскутный, как понятно из названия, торговал тряпками, старой одеждой, обрезками, всем, что можно перешить. Точильный — инструментом. Вместе они составляли огромный торговый организм, растянувшийся между Моисеевской площадью и Манежем, между Кремлём и речкой Неглинкой, которая тогда ещё текла открыто и по которой через Воскресенский мост проходила дорога от Красной площади к Тверской.

Именно здесь, в этом квартале, происходило то, что всегда происходит в старом городе: рядом с красивыми доходными домами, гостиницами, магазинами — теснились, вросли в землю, стояли сараи, лавки, лавчонки, ларьки. Рядом с «Националь», с Лоскутной гостиницей, с Большой Московской, с дорогими магазинами на Тверской — простые люди ели щи без мяса и запивали их квасом. Это не противоречие, это и есть настоящий город. Роскошь и бедность в ста шагах друг от друга. Шикарный фасад с одной стороны, глухой двор с другой — и никто не удивляется.

Обжорный ряд — это память о том, чем город кормил своих близких. Не почётных гостей, не купцов первой гильдии, не дворян, не иностранцев, которым показывали Кремль. А тех, кто таскал тяжести, мостил мостовые, чистил сараи, шёл по грязи в латаных сапогах. Для них были щи без мяса. Для них — жареная картошка. Для них — обжорный ряд.

И вот что важно. Место, где кормят бедных, — самое устойчивое и самое долговечное в городе. Оно не боится ни моды, ни войн, ни пожаров. Оно не перестаёт быть нужным. Обжорный ряд переживёт стрельцов, Петра, пожар 1812 года, реконструкцию Бове, весь XIX век. Он исчезнет только тогда, когда сам город решит, что такие места в центре не нужны. И он ошибётся. Потому что исчезнет не «неудобное торговое наследие». Исчезнет способ города кормить своих.

Об этом — впереди. А пока запомним главное: место, где люди ели щи, никогда не остаётся пустым. Оно или живёт, или лежит под землёй как память. Иногда и то и другое. Иногда одновременно.

Обжорный ряд лежит под Манежной площадью.

Глава 2. Неглинка и Воскресенский мост

Чтобы понять Обжорный ряд, надо сперва понять реку.

Река называлась Неглинка. Она текла здесь всегда — задолго до Москвы, задолго до Кремля, задолго до того, как на её берегах появились первые лавки с квасом. Она вытекала из болот на севере, петляла, разливалась, мельчала летом и вздувалась весной, и всё это время была границей. Сначала — границей между холмом, где сидел Кремль, и посадом, где жил и торговал народ. Потом — границей между двумя способами жить: внутри стены и снаружи.

Неглинка была неудобной рекой. Она текла в низине, в ней было мало воды, но много грязи. Весной она выходила из берегов и затапливала всё, что стояло рядом. Летом мелела и воняла. Через неё надо было перебираться — по броду, по деревянным мосткам, по первому мосту, который в конце концов построили на том самом месте, где сегодня стоит Манежная площадь.

Первый мост через Неглинку — деревянный — появился здесь давно, ещё в XV–XVI веках. Через него ехали на Тверскую и дальше на Новгород. Через него шли купцы, послы, гонцы, войско. Мост был важным — настолько важным, что к концу XVI века его решили сделать каменным.

И сделали.

Воскресенский мост был построен в 1601–1603 годах при Борисе Годунове. Есть версия, что он назывался сперва Курятным — не потому, что там торговали курами (хотя, возможно, и поэтому тоже), а по Курятному ряду, что стоял поблизости. Позднее закрепилось имя Воскресенский — по Воскресенским воротам Китай-города, к которым мост вёл.

Это был первый каменный мост в Москве. Не «каменный» в смысле «сложен из камня» — таких было достаточно. Первый настоящий большой белокаменный мост через реку, с пролётами, с арками, с гидротехническим механизмом, о котором речь впереди. Москва ещё не знала каменных мостов через реки — она знала наплавные, деревянные, плавучие. А здесь, у самого входа в Китай-город, встал белокаменный мост, которым можно было гордиться.

Он стоял на плотине.

Это важная деталь, о которой обычно забывают. Воскресенский мост был не просто мостом — он был частью плотины. Плотина поднимала уровень Неглинки, создавала подпор

воды, и этот подпор использовали для работы механизмов. Через огромную трансмиссию вода вращала колёса, а колёса давали энергию тем, кто в ней нуждался. В первую очередь — Монетному двору, который стоял здесь же, рядом. Монетный двор чеканил монету, и эта монета чеканилась в буквальном смысле на энергии Неглинки, поднятой плотиной под Воскресенским мостом.

Так рядом с Обжорным рядом, где люди ели щи без мяса, работал завод, где делали деньги. Медь, серебро, машины, вода, огонь, труд — всё это в нескольких шагах друг от друга.

Через Воскресенский мост шла дорога от Воскресенских ворот — то есть от Красной площади — на Тверскую. В древности это был прямой путь, и мост был воротами города в прямом смысле: пройдёшь по нему — и ты уже за Неглинкой, на посаде, где шумят ряды. Это место было парадным входом в Москву с севера. Здесь встречали гостей, здесь, случалось, торжественно въезжали в город цари, здесь шли крестные ходы. Мост был и практичен, и торжествен.

Реку Неглинку пытались обуздать не раз. Её чистили, копали, укрепляли берега, строили запруды. При Петре I, после наводнений, её пытались углубить. Она всё равно выходила из берегов, всё равно воняла, всё равно мешала. К XIX веку стало ясно: река в центре города — это неудобно, негигиенично, некрасиво. И её решили убрать.

В 1819 году Неглинку заключили в подземный коллектор.

Это было грандиозное решение: реку спрятали под землю, в кирпичную трубу, и сверху засыпали. Три километра подземного русла шло теперь под нынешней Манежной площадью, под Александровским садом, под Неглинной улицей. В местах, где река изгибалась, оставили смотровые колодцы. А Воскресенский мост оказался погребён под засыпкой, вместе с плотиной, вместе с механизмами.

Пожар 1812 года, как известно, дал толчок большой реконструкции. Москва после пожара восстанавливалась по единому плану — и этим планом занимался архитектор Осип Бове. Он же руководил работами по обустройству территории вокруг Кремля и вдоль Неглинки. Именно при Бове река ушла под землю, а Воскресенский мост был тщательно измерен, зафиксирован на чертежах и засыпан. Сверху поставили всё то, что мы знаем как Александровский сад, Манеж и начало Моисеевской площади.

Мост исчез из виду — но не из памяти и не из земли. Он остался лежать там же, где стоял: под слоем засыпки, под будущей площадью, под Обжорным рядом, который шумел как раз на его берегах.

И вот здесь важная деталь для нашей истории.

Обжорный ряд стоял не просто «где-то у Кремля». Он стоял на восточном берегу Неглинки, напротив Воскресенских ворот, у начала Тверской. Он стоял там, где река ещё текла открыто и где через неё ходили по мосту. Потом реку спрятали, и Обжорный ряд остался стоять там же — только теперь над рекой. Люди ели щи без мяса, не догадываясь, что под полом у них, в подземной трубе, всё ещё течёт вода, а в трёх метрах ниже — белокаменные опоры моста Годунова.

Так бывает в старых городах. Слои ложатся друг на друга. Каждый следующий житель стоит на плечах предыдущего, даже не подозревая об этом. Под полом лавки — мост. Под мостом — река. Под рекой — земля. Под землёй — то, что было до реки: слои ещё более древние, следы ещё более давних людей.

И когда через сто семьдесят лет археологи откроют Моисеевскую площадь, чтобы строить подземный торговый центр, они спустятся в этот слоёный пирог и найдут всё сразу: остатки моста, остатки лавок, монеты, посуду, трубы, плотины, вещи, потерянные и вещи, спрятанные. Они найдут то, что лежало там молча двести лет.

Но об этом — в последних главах. А сейчас вернёмся на берег Неглинки, к началу XVIII века, когда Обжорный ряд только осваивал новый для себя участок. С востока к нему примы-

кала стрелецкая слобода. С юга — Кремль и Воскресенские ворота. С запада — река, ещё открытая, ещё с мостом, ещё с плотиной. С севера — Моисеевская площадь и монастырь, о котором будет следующая глава.

Это была густая, плотная, тёплая городская жизнь. Здесь пахло, шумело, торговалось, спорилось, ругалось, мирилось. Здесь ели щи и чеканили монету. Здесь же молились, потому что рядом стоял монастырь. Всё это существовало одновременно, в двухстах шагах друг от друга, и никому не казалось странным.

Неглинка текла под мостом и вокруг всего этого. Потом ушла под землю. Потом под землю ушёл и Обжорный ряд. И там, под землёй, они наконец сравнялись — река и лавки, вода и еда, мост и щи. Всё это лежит теперь рядом, слоями, в тишине, и ждёт, пока кто-нибудь снова спустится с фонарём и ковшом.

Глава 3. Монастырь и Моисеевская площадь

Рядом с Обжорным рядом стоял монастырь.

Это соседство само по себе — целая притча о Москве. С одной стороны — торг, гам, щи, требуха, ругань, копейка. С другой — тишина, свечи, монахини, молитва, колокол. Между ними — несколько десятков шагов, а иной раз просто забор. Москва всегда умела жить так: дух и хлеб рядом, и никто не считает это противоречием.

Монастырь назывался Моисеевским. Женский. Основан был, по преданию, при Иване Грозном, в XVI веке, — в те самые годы, когда вокруг Кремля складывался посад, когда строилась Китайгородская стена, когда Москва из деревянного города превращалась в каменный. Церковь монастыря была освящена во имя святого Моисея Боговидца — того самого Моисея, что вывел народ из Египта и получил на горе Синай скрижали с заповедями. Имя для монастыря выбрали неслучайно: вероятно, оно примиряло и старый, и новый мир, и восточную, и русскую традицию.

Монастырь был женский. Здесь жили инокини — женщины, оставившие мир ради молитвы. У них был свой уклад: утренняя служба, трапеза, послушание, рукоделие, вечерняя служба. Они ткали, шили, писали, ухаживали за храмом, молились обо всех — и о царе, и о народе, и о тех, кто шумел сейчас за забором у Обжорного ряда.

При монастыре был некрополь — то есть кладбище.

Некрополь — слово тяжёлое и важное. В те времена монастырское кладбище было землёй особой. На нём хоронили не всех — а тех, кого принимали: инокинь, вкладчиков, благотворителей, прихожан церкви святого Моисея. Умерших провожали торжественно, но и просто. Пели «Со святыми упокой», читали молитву, засыпали землёй, ставили крест. Крест — нательный, деревянный или медный — оставался на теле. Бусы, четки, перстни — на пальцах. Ткань — на покойном. Всё это уходило в землю вместе с человеком.

Монастырская земля была плотной, утоптанной, многослойной, как и сама Москва. Сначала хоронили глубоко. Потом мельче. Потом ещё мельче. Потом снова глубже — когда подчищали старое. Так накапливались слои захоронений: XVI век, XVII век, XVIII век, всё это вместе, друг над другом, у стены церкви, за алтарём, у входа.

Монастырь жил долго. Полтора с лишним столетия он стоял здесь — тихий, крепкий, затерянный среди торговых рядов и стрелецких дворов. Инокини молились, монастырь получал вклады, земля росла, некрополь расширялся. Никто не думал, что когда-нибудь всё это исчезнет.

Но в XVIII веке что-то изменилось.

Пётр I вообще не любил монастыри. Он считал их рассадниками невежества и праздности. Его указ 1724 года предписывал сокращать число иноков и инокинь, а тех, кто остался, содержать скудно и строго. Екатерина II продолжила дело. В 1764 году она провела секуляризацию — то есть отобрала у церкви земли и крестьян и перевела монастыри на казённое содержание. Многие монастыри закрыли. Моисеевский не стал исключением.

В 1765 году монастырь упразднили.

Инокинь перевели в другие обители. Утварь развезли. Церковь сначала превратили в приходскую, а потом и вовсе разобрали. Монастырские постройки разнесли — камень пошёл на другие здания, участок выравнивали. Земля освободилась, и её, конечно, сейчас же заняли.

Освободившееся место получило название Моисеевской площади.

Название прижилось. Это и понятно: старая земля всё ещё помнила монастырь, и люди продолжали звать её по монастырю — Моисеевская, от Моисея Боговидца. Так площадь и осталась в истории Москвы: Моисеевская, до самого XX века, до слияния её с соседними участками в единую Манежную.

Что поселилось на месте монастыря?

Прежде всего — торговля. Обжорный ряд подступал сюда вплотную. Монастырский некрополь был засыпан, поверх него встали лавки, амбары, склады, доходные дома. Стрелецкая слобода, что была рядом, тоже постепенно растворилась в торговом квартале. К концу XVIII века здесь стоял уже плотный, разнородный, живой город: жилые дома, небольшие гостиницы, лавки, чайные, трактиры, мастерские.

А рядом с Обжорным рядом на Моисеевской площади появилось ещё одно, совсем неожиданное сооружение — часовня Александра Невского.

Её возвели в 1883 году — в честь победы в войне с Турцией. Война 1877–1878 годов, освобождение Болгарии, взятие Плевны, переход через Балканы — всё это было ещё свежо в памяти. Александр Невский, небесный покровитель императора Александра II и вообще образец воина-защитника, был как нельзя более уместен. Часовня поставили как памятник — небольшую, изящную, в русском стиле, с шатром и главкой.

Она стояла здесь недолго — сорок лет. В 1922 году её снесли. Это уже советское время, время борьбы с церковью. О часовне вскоре забыли, и мало кто сегодня вспомнит, что на Моисеевской площади стояла часовня в честь победы над турками.

Но вернёмся к главному.

Монастырь исчез. Инокини ушли. Здания разобрали. Некрополь засыпали — и сверху построили. Сотни людей, погребённых на монастырском кладбище, остались лежать там, где лежали: под лавками, под амбарами, под мостовыми, под домами, под Обжорным рядом. Потому что в Москве, когда что-то разбирают и строят сверху, никто не выкапывает старое кладбище до дна. Засыпали — и всё. Так было принято.

И вот эта деталь — засыпанный некрополь под торговыми рядами — станет одной из самых пронзительных страниц нашего рассказа.

Пролетят века. Обжорный ряд снесут. Метро построят. Манежную площадь расчистят. А потом, в 1990-е, придут археологи с ковшом и ножами, начнут копать — и наткнутся на человеческие останки. Много останков. Сотни. С нательными крестами, с бусами, с четками, с тканью, что не потеряла цвета. Среди них найдут тела, которые почти не тронуло тление. И по Москве пойдут слухи — нетленные мощи святых.

Тогда, на рубеже XX и XXI века, эти останки придётся аккуратно поднять — не ковшом, а щёткой, руками, — очистить, разложить, посчитать, описать, а потом с почестями перезахоронить. Их перевезут в «Ракитки», на кладбище Новой Москвы, в специальный склеп — и там предадут земле. Так, спустя двести с лишним лет после закрытия монастыря и через сто лет после его забвения, инокини Моисеевского монастыря обретут покой.

Но это уже отдельная история, и она впереди.

А пока — просто запомним: на Моисеевской площади, рядом с Обжорным рядом, жил монастырь. И умер. И был засыпан. И остался под землёй. Как и всё остальное в этом квартале, он существует теперь только как память — в книгах, в названиях, в найденных черепках и в тихих подземных слоях, где всё ещё лежат кресты, бусы и кости, которых ещё никто не поднял.

Глава 4. Тридцать четвёртый и тридцать восьмой

У всякого старого места есть свой последний день. Не всегда его замечают, не всегда о нём помнят, но он есть. У Обжорного ряда этот день пришёлся на начало 1930-х.

К тому времени он был уже не тот. Не тот, что в XVIII веке, не тот, что в середине XIX. Обжорный ряд старел. Он ещё кормил, ещё шумел, ещё пах, но всё чаще говорили о нём не с аппетитом, а с брезгливостью. Антисанитария, грязь, скученность, мухи, крысы, немытые столы, сомнительная посуда, нездоровая еда. Всё то, что двести лет назад воспринималось как живописная черта простой жизни, к концу XIX века стало читаться как болезнь города.

К началу XX века Москва уже знала другие формы торговли: магазины, пассажи, гастрономы, трактиры с вентиляцией и официантами, кофейни. Обжорный ряд не изменился, а время изменилось. Место, где едят стоя, осталось местом, где едят стоя — но теперь это казалось не естественным, а постыдным. Москва стремилась стать европейской, а Обжорный ряд с его щами без мяса и жареной картошкой в глазах новой городской администрации плохо смотрелся на фоне Кремля.

Он начал терять популярность. Это был первый шаг к уходу.

Второй шаг сделала советская власть.

Двадцатые годы ещё щадили лавки — на них торговали понемногу, по-нэповски, вразнос и вразвал. Но к концу двадцатых стало ясно: центр Москвы будет перестроен. Не по частям, не постепенно — целиком, сразу, по единому плану. Генеральная реконструкция столицы, начатая в 1931 году, должна была превратить Москву из купеческого города в столицу социалистического мира. Кремль, Красная площадь, Манеж, Тверская — всё это должно было смотреться иначе. И для этого старый квартал у Кремля следовало убрать.

Тогда же началось строительство метрополитена.

В 1932 году это стало решающим обстоятельством. Первая линия московского метро должна была пройти через центр — под Охотным рядом, под Моховой, под Тверской. Для этого требовалось освободить площадку. Тоннели, шахты, кессоны, подъездные пути — всё это не помещалось в тесных переулках, зажатых между лавками. Значит, лавки надо было снести.

В 1932 году были снесены лавки Охотного ряда.

Это была первая потеря того года. Охотный ряд — старый, знаменитый, огромный, с дичью и рыбой, с рядами, что уходили куда-то внутрь квартала, с запахом, который узнавали издали — исчез почти мгновенно. На его месте позже, в 1935 году, возвели гостиницу «Москва». Огромное здание в стиле конструктивизма, с двумя разными по оформлению крыльями, встало прямо напротив Кремля и как бы объявило: вот она, новая Москва, смотрите.

Обжорный ряд был рядом. Он не мог уцелеть.

Тогда же под строительство первой линии метрополитена был снесён и старый квартал по Лоскутному переулку и Моховой улице. Это означало: линия домов от Кремля до Манежа — вся та плотная, многослойная, наросшая за триста лет застройка — пошла под снос. Лоскутный переулок, названный так по Лоскутному ряду, и Моховая, по которой ездили ещё в XVI веке, должны были стать другими.

Обжорный переулок сносили вместе с ними.

Что чувствовали люди, видевшие, как ломают старый квартал? Мы не знаем. Газеты того времени писали о расчистке площадей, о подготовке к строительству, о том, что старый хлам мешает новой жизни. Никто не вёл дневников о том, что вот сейчас исчезнет место, где триста лет подряд варили щи без мяса. Никто не сокрушался вслух. Обжорный ряд не был памятником архитектуры. Он был лавками. Сараями. Торговыми точками. Ломать такое считалось не преступлением, а санитарной мерой.

И всё же кто-то видел.

Среди тех, кто видел, был Пётр Дмитриевич Барановский — реставратор, историк архитектуры, человек, который в эти же годы спасал от сноса другие памятники, обмерял, фотографировал, документировал. Он понимал, что сносится не просто грязный квартал, а история города. Он не мог остановить снос — но мог сохранить память: чертежи, фото, записи. Возможно, он и не бывал у самого Обжорного ряда. Но он умел видеть то, чего не видели другие, — ценность исчезающего.

Обжорный ряд не попал в его списки памятников. Но сам принцип — сохранять то, что сносят, — он утвердил именно тогда. Позже этот принцип спасет от исчезновения и Китайгородскую стену, и Земляной вал, и десятки других памятников Москвы.

К 1935 году Обжорного ряда больше не было.

Из всего квартала на фотографии того года оставили только самые крупные дома — доходные, каменные, с фасадами. Между ними видны были части двух переулков: слева — Обжорный, справа — Лоскутный. Уже без лавок по сторонам, уже без щей, без кваса, без уличных печей, без людей, что ели стоя. Просто расчищенные коридоры в камне, ведущие в никуда.

К 1938 году здесь образовалась огромная пустая площадь. Её называли Манежной — по зданию Манежа, чей фасад выходил прямо на неё. Пространство от Кремля до Тверской, от Александровского сада до Моховой, стало единым и открытым. Просторным. Пустым. Ровным.

Так рождались площади советского типа: широкие, солнечные, ясные, лишённые тех тёмных, тесных, многослойных, живых пятен, из которых, собственно, и складывалась старая Москва.

Обжорный ряд ушёл в землю.

Вместе с ним под землю ушли не только лавки, но и все слои, что под ними: фундаменты стрелецкой слободы, погребов купеческих домов, остатки Монетного двора, монастырский некрополь, белокаменные опоры Воскресенского моста, русло Неглинки в её подземном коллекторе, монеты, плитки, нательные кресты, курительные трубки, изразцы. Всё, что за триста лет было разобрано, засыпано, перестроено, забыто, — оказалось теперь под одним общим слоем, перекрытое сверху новым асфальтом, новыми фонарями, новой брусчаткой.

Тогда казалось, что это конец. Что место ушло навсегда.

Но у таких мест есть одна особенность: если их не выкопать сознательно, они не исчезают. Они просто остаются лежать там, где лежали. Одно поколение сносит, другое — забывает, третье — задаётся вопросом: а что же там было? И на этот вопрос снова начинают отвечать лопаты.

До этого дня оставалось шестьдесят лет.

Глава 5. Подземный город

Шестьдесят лет — это много и мало одновременно.

Много — потому что за шестьдесят лет вырастает новое поколение, которое не помнит, что здесь когда-то пахло щами и жареной картошкой. Оно видит только площадь: широкую, гладкую, с фонтанами и бронзовым маршалом. Мало — потому что земля под ногами не меняется. Она всё та же. Она всё помнит.

К концу 1980-х Москва снова стала меняться. На этот раз — не сносить, а строить. В центре города, у Кремля, задумали большое дело: торговый комплекс «Охотный ряд». Под землю. С паркингом, магазинами, переходами, а сверху — благоустройство, фонтаны, скульптуры. По сути — вернуть этому месту торговую функцию, ту самую, которую у него отняли в 1930-е. Только теперь не лавки, а уровни вниз.

Строительство началось в конце 1992 года.

И тут же остановилось.

Не потому, что стройка пошла не так, а потому, что ковши наткнулись на то, что ковшам не по чину. Под верхним слоем земли лежало слишком много. Монеты. Кирпичи. Бревно. Кость. Черепок. И чем глубже копали, тем гуще становилось.

Так строительство перешло в археологию.

В начале 1993 года площадку передали археологам. Работами руководил Центр археологических исследований под началом Александра Векслера. Раскопки велись четыре года — до самой весны 1997-го. Четыре года подряд, на глубине до семи метров, послойно, лопатами, ковшами, ножами, кисточками, с чертежами, с фотофиксацией, с находкой за находкой. Это была одна из самых масштабных археологических кампаний в истории Москвы — и одна из самых щедрых на результаты.

Слои снимались быстро, сверху вниз. Работы шли скоростными темпами — таков был график стройки, и археологии приходилось ужиматься. Но даже в этом цейтноте удалось собрать такое, что хватило потом на целый музей.

Верхний слой — начало XX века. Он был беден, но характерен: дореволюционная телефонная книга, медные монеты, аптекарские пузырьки. Вещи, по которым видно: здесь жили уже не XVII веком, а новым временем, с телефоном, с аптекой, с медью.

Слой XVIII века оказался разнообразнее. Пошли керамические курительные трубки — их потом находили сотнями, — цветные изразцы, осколки печей, посуда, стекло.

А под ним — пласты XV–XVII веков. Вот здесь началось настоящее.

Из земли пошли орудия труда, предметы быта, вещи ремесленного искусства. Воинские доспехи, оружие. Свистульки, погремушки — детские игрушки, по которым можно представить, как дети играли на этих улицах. Пороховницы — по ним видно, что здесь жили и военные, и стрельцы, и, позднее, мастеровые. Медный образок Георгия Победоносца — маленький, аккуратный, — нашли в одном из слоёв, и он так полюбился археологам и музейщикам, что стал символом Музея археологии Москвы. С него теперь начинают рассказ о раскопках.

И ещё одна деталь, редкая и удивительная. Дважды археологи находили под фундаментами деревянных жилых построек закладные — символические вещи, положенные при строительстве дома для удачи, для счастья, для того, чтобы дом стоял. Один раз это была лошадиная голова. Другой раз — курица. В старину так делали: клали под угол — и не для насмешки, а по правилам, серьёзно, с верой в то, что место станет благополучным. Это не жертва и не суеверие, это обряд. Дом надо было поставить так, чтобы он стоял. Лошадь и курица помогали.

Купеческие находки пошли ниже. Пошли подклеты, погреба, подвалы — и в них то, что осталось от живших здесь семей.

Керамика. Оружие. Игрушки. И клады.

В корнях многовекового дуба — настоящий клад: восемьдесят тысяч серебряных монет. Восемьдесят тысяч. Это не «денежка на мелкие расходы», это чьё-то состояние, спрятанное — вероятно, в смутное время, вероятно, хозяином, который не вернулся. Монеты пролежали под дубом до 1990-х годов.

Фундамент другого купеческого дома хранил целую коллекцию керамики в идеальном состоянии — то есть человек, у которого было немало хорошей посуды, по какой-то причине оставил её там, где она в конце концов и осталась.

А ещё один клад нашли в 1996 году — в подвале сгоревшего дотла дома Гостиного двора, существовавшего в XVIII веке. Под пеплом стояли два кувшина. В них — триста тридцать пять талеров и девяносто пять тысяч серебряных чешуек, монет периода Ивана Грозного. Обо- жжённые, но целые. Клад, спрятанный в огне и огнём же переживший. Тот, кто его туда поста- вил, вероятно, не успел за ним вернуться.

Ещё ниже — вещи XV века. Тут в основном воинское обмундирование: кольца, бляхи, наконечники, части доспеха. А под ними — находки XII века, на уровне около шести метров. Это самое старое: вещи московских дворов ещё до нашествия Батыя. Женские украшения из горного хрусталя, янтаря, металла, стекла. Предметы, которыми украшали себя москвички за сто с лишним лет до того, как город сожгли ордынцы.

И вот тогда началось то, чего археологи всегда ждут со смешанным чувством.

Пошли захоронения. Моисеевский монастырь, некрополь, инокини, прихожане, вклад- чики. Сотни погребений. Археологи не копали их ковшом — здесь работали руками. Останки тщательно расчищали, поднимали, разбирали по костям, описывали. Нашли нательные кресты. Нашли редкие ткани, не потерявшие цвета за века. Бусы, четки, образцы, сосуды для благо- воний — всё, что клали с покойным в могилу. Изысканное, дорогое, неожиданно роскошное для монастырского кладбища. Значит, хоронили здесь не только инокинь, но и знатных мирян, жертвовавших на монастырь.

Некоторые тела почти не тронуло тление. Для археологии это объяснимо — состав почвы, доступ воздуха, характер захоронения. Для Москвы, для людей, для слухов — нет. По городу поползли разговоры. Нетленные мощи. Святые. Люди стали приходить к площадке, шептаться, смотреть.

Так у большого строительства и большой археологии появилось третье действующее лицо — городская молва.

Поднятых останков оказалось больше шестисот. Их нельзя было оставить под стройкой, под подземным центром, под фонтанами. И тогда решили перезахоронить. Место выбрали на кладбище Новой Москвы — в «Ракитках». Там выстроили специальный склеп, в него сложили останки инокинь и прихожан Моисеевского монастыря, и там предали земле. По-православному. По-человечески. Служба, крест, тишина.

Так, спустя двести с лишним лет после упразднения монастыря, те, кто жил и молился здесь, всё-таки обрели покой. Не под торговым центром, а на отдельном кладбище, отдельно, с именем, с памятью.

И вот наступил главный день раскопок.

Археологи знали, что где-то здесь должен быть Воскресенский мост. Знали по чертежам. По архивным планам. По документам, которые сохранились с XVIII века, когда мост засыпали при Бове. Он был зафиксирован на бумаге — точный, обмеренный, — и должен был лежать в земле где-то в районе нынешней Манежной площади, напротив Тверской, у Воскресенских ворот.

И его нашли.

Нашли арочный белокаменный мост через Неглинку, возведённый в XVII–XVIII веках, — тот самый, что стоял здесь при Борисе Годунове, с плотиной в основании, с гидротехническим механизмом, с трансмиссией, дававшей энергию Монетному двору. Мост лежал точно там, где ему и полагалось лежать. Точность исторических документов и археологического поиска совпали.

Мост был тщательно изучен, детально занесён на чертежи, описан. Его остатки снова засыпали — они остались под землёй, но теперь наукой зафиксированные. При последующих строительных работах часть моста была повреждена — верхушки арок снесли ковшом и вывезли на свалку. Их нашли позже, вернули, поставили в музей. Сегодня фрагменты Воскресенского моста можно увидеть в Музее археологии Москвы, что находится прямо там — на Манежной, в подземном зале, рядом с тем самым местом, где ходили через Неглинку по мосту Годунова.

В 1997 году строительство было завершено. Подземный торговый комплекс «Охотный ряд» открылся. Площадь стала пешеходной. Сверху — гранит, фонтаны, скульптуры, бронзовый маршал Жуков на коне. Памятник Жукову поставили здесь в 1995 году — на том самом камне, что заложили в 1967 году к юбилею Октября и на котором так и не поставили обещанный монумент. Теперь на этом месте встал маршал. Другой. Держащий коня под уздцы. Смотрящий в сторону Кремля.

А под всем этим — торговые ярусы, переходы, паркинг. И в подземном зале — музей. Музей археологии Москвы. Туда ведёт лестница. Там внизу стоит то, что выкопали из земли за четыре года раскопок: монеты, чешуйки, кресты, плошки, свистульки, талеры, изразцы, оружие, рукавицы, счётные бирки. Там — фрагменты Воскресенского моста. Там — фрагмент Неглинки, заключённой в коллектор. Там же, прямо под площадью, можно спуститься в подземный мир и увидеть всё то, о чём раньше можно было только прочитать.

Это — тот самый подземный город, о котором говорили, что он вызвал неоднозначные мнения у москвичей. Комплекс «Охотный ряд» раздражал кого-то как символ коммерции в сердце города, кому-то, наоборот, нравился как новая точка притяжения. С него началось то, что потом назовут строительным бумом торгово-развлекательных центров в разных частях Москвы. С этого места всё пошло по-другому в центре столицы.

Но одновременно с этим — и параллельно с этим, буквально в соседних залах — здесь открылся музей. Под землёй, на месте, где триста лет назад стоял Обжорный ряд. Теперь тут в витринах лежат вещи того самого места. И посетитель, выходящий из музейного зала наверх, на Манежную, может обойти площадь кругом и в буквальном смысле пройти по тому месту,

где ели щи без мяса, где стоял мост Годунова, где молились инокини Моисеевского монастыря. Ничего из этого не видно. Но ничего из этого и не исчезло.

Обжорного ряда нет.

Квартала нет. Переулка нет. Лавок нет. Монастыря нет. Часовни Александра Невского нет. Реки Неглинки на поверхности нет. Моста на поверхности нет. Купцов, извозчиков, мастеровых, приказчиков, детей с погремушками, инокинь с четками — нет никого.

А память есть.

И вещи. И монеты. И музей. И клады. И перезахороненные останки. И переданные чертежи. И двести лет памяти, которая лежала в земле и дождалась своего часа, потому что кто-то однажды взял в руки лопату и стал копать не для того, чтобы построить, а для того, чтобы узнать.

Вот в чём смысл этого цикла — «Места, которых нет». Они не исчезают. Они просто уходят в другой слой. Иногда на глубину семи метров. Иногда — в музей. Иногда — в книжку. Иногда — в название площади, по которой ходят люди, н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.